

DOI: 10.22363/2313-2272-2025-25-2-286-302

EDN: BCLKPH

Вопрос о социальном совершеннолетии в философии общего дела. «Несовершеннолетнее общество» в супраморалистической интроспекции*

А.А. Оносов

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Ленинские горы, 1, Москва, 119991, Россия

Российский университет дружбы народов,
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, 117198, Россия

(e-mail: o.ksandr@yandex.ru)

Аннотация. Аналитический вектор статьи задан темой несовершеннолетия как состояния исторически незрелого общества, осмысленной в контексте супраморалистических представлений философии общего дела. В учении Н.Ф. Федорова (1829–1903) эта тема — сквозная по обширности и смысловой значимости в причинно-следственном контуре явлений социально-исторического бытия. Супраморалистический анализ корней и первичных условий несовершеннолетия обозначил комплекс критических оценок цивилизационного бытия в его глобально-проблемном выражении. В аналитическом разрезе обнаружены различные формы проявления несовершеннолетия; содержательно раскрыты сопряженные характеристики несовершенного состояния общества. В качестве решения вопроса о несовершеннолетии супраморализм предлагает заменить социальный — искусственный — вопрос «о бедности и богатстве» натуральным — естественным — вопросом «о смерти и жизни», подразумевая под смертью фундаментальную бедность человека и утверждая бессмертную жизнь как истинное богатство. В статье прослеживается проективное понимание социологии как активно-исторической функции высшей социальной организованности. В социально-деятельной прагматике проективная социология предназначена служить не статистической ведомостью «истории как факта» (летописи несовершеннолетнего общества), а общеродовым инструментом отечествоведения — «истории как акта» становления человеческого многоединства по образу божественной Троицы. В научно-практической смысле это руководящее знание проективного синтеза должного — совершеннолетнего — общества. Цивилизационный анализ разнообразных проявлений несовершеннолетия в их системно-исторической экстраполяции привел Федорова к выводу-предупреждению о прогрессивно возрастающих эсхатологических рисках глобального человечества по сценарию Апокалипсиса. Вместе с тем пророчество о катастрофическом коллапсе социальной истории Федоров считал условным, оставляющим возможность сознательного онтологического преображения человека, общества и мира, императивно требующего преодоления мировоззренческого несовершеннолетия планетарного

*© Оносов А.А., 2025

Статья поступила в редакцию 15.01.2025. Статья принята к публикации 15.04.2025.

человечества. В этих целях мироустроительный потенциал проекта общего дела заслуживает системного социально-философского анализа, аксиологически значимого в условиях переживаемого сегодня глобальной цивилизацией состояния исторической сингулярности.

Ключевые слова: Н.Ф. Федоров; философия общего дела; супраморализм; несовершеннолетие; совершеннолетие; несовершеннолетнее/совершеннолетнее общество; общее дело; регуляция природы

Для цитирования: Оносов А.А. Вопрос о социальном совершеннолетии в философии общего дела. «Несовершеннолетнее общество» в супраморалистической интроспекции // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2025. Т. 25. № 2. С. 286–302. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2025-25-2-286-302>

Содержательно все категории супраморализма (1) логически замыкаются на многомерных понятиях исторической зрелости общества, которые, в свою очередь, раскрываются и детализируются в терминосистеме супраморализма. Такая, по-сути, рекурсивно-сетевая структура учения Н.Ф. Федорова обуславливает особый исследовательский интерес и требует определенной аналитической культуры рассмотрения его теоретического канона: тема несовершеннолетия в ее различных аспектах получает содержательную разработку и аналитическое отражение в современных работах, обращенных к социально-философскому наследию Федорова и представителей космизма [см., напр.: 2; 3; 5; 9; 14]. Индустриально-экономически соорудив за последние почти полтора столетия, минувшие после житнетворчества Федорова, высочайший технологический пьедестал, современное общество унаследовало и прогрессивно приумножило системные «болевы́е точки» прошлых времен — «проблемные узлы» социальной организованности, оказавшиеся в фокусе предельно (а в некоторых аспектах даже запредельно) жесткой критики в философии общего дела.

В обобщенном виде этико-философски и социально-исторически интегрирующее разнокачественные индикаторы цивилизационной онтологии кризисное состояние общества получило в учении Федорова определение несовершеннолетия, а само общество — несовершеннолетнего. Осмысливая историческую ситуацию в логике антиномии сущего и должного, Федоров обосновывал благую — эсхатологически творческую — стратегию развития общества, возможность его активно-исторического, т.е. нравственно осознанного и деятельного, выхода из состояния несовершеннолетия, культурно-эволюционного совершеннолетия. Данная статья ограничена аналитическим рассмотрением лишь первой части вопроса — проявлений социального несовершеннолетия, тогда как свойства совершеннолетнего общества — как оно проецируется в логике супраморализма — тема самостоятельного исследования.

Прежде чем погрузиться в анализ понятия «несовершеннолетнее общество», необходима важная оговорка. Чтобы уловить неискаженный смысл и сверхнравственное напряжение федоровских социальных проекций, нужно

быть готовым к резкому, даже парадоксальному расхождению аксиоматики супраморализма с теми цивилизационными ценностями, которые определяют направленность современных социальных концепций, эвристически «воспитанных» историей человечества и провозглашающих эти ценности целями прогресса. Собственно критика последних и привела Федорова к жесткому выводу о несовершенности общества. В его учении несовершенство — обобщенная характеристика фактического — онтологически невызревшего, нравственно искаженного и потому не должного — исторического состояния общества и человека как родового существа, наделенного сознанием. В предельно негативном определении «состояние несовершенности, выражающееся в скотских оргиях, в зверском истреблении друг друга, в безграничном и ненасытном сладострастии, есть истинный ад» [10. С. 404].

В супраморализме несовершенство выступает темой критического анализа в XI пасхальном вопросе «О несовершенности и совершенности», сфокусированном на нравственно-историческом разрешении антиномии — «остаться ли человеческому роду в вечном несовершенности или же достигнуть полноты совершенности; остаться ли на той первой ступени перехода природы от слепоты к сознанию, на какую в настоящее время природа поднялась чрез нас, или же природа должна достигнуть полноты сознания и управления всеми мирами чрез все воскресенные поколения» [10. С. 403]. Логическая схема XI пасхального вопроса раскрывает кризисные моменты цивилизационной истории, ставшей эмпирическим фактом несовершенности. Первичным звеном в причинно-следственной цепи событий, закономерно обусловивших несовершенное состояние общества, является отделение города от села, вызвавшее дальнейшее социальное расслоение, всеобщую «рознь несовершенности» и расщепление знания и дела. «Теоретический разум, отделяясь от народного, практического, верующего (христианского или крестьянского) разума, заменяет вопрос о жизни и смерти городским вопросом о бедности и богатстве, возводя его в вопрос о всеобщем обогащении или же о всеобщем обеднении и тем осуждая род человеческий на вечное несовершенство» [10. С. 395]. Обобщенным фактом стихийного разрывания исторической спирали стало бессознательное следование законам эволюционного процесса, в социальном проявлении приводящего «к восстанию сынов на отцов и к борьбе между братьями <...> а потом к вырождению и вымиранию» [10. С. 402]. Исторически экстраполируя логику «подчинения слепой эволюции» [10. С. 402], Федоров задавался вопросом — не останется ли род человеческий навсегда в состоянии несовершенности, «т.е. под игом слепой силы, поражающей нас голодом, язвой и смертью?» [13. С. 256].

Спецификация характеристик и конкретных выражений несовершенности в многообразных, но взаимообусловленных формах и видах его проявления раскрывается в учении Федорова в различных смысловых метриках, образуя многомерную концептуальную структуру. Так, *природное*

несовершеннолетие — это цивилизационно-системная зависимость человечества от природы «вне себя (во внешнем мире)» [12. С. 287], выражающаяся в культурно-языческом «суеверном преклонении пред всем естественным, в признании за слепую природою руководства разумными существами (естественная нравственность)» [10. С. 105]. В антропологическом выражении это зависимость человека от его внутреннего «дарового» естества, биологическая нужда и рабство людей у природы «в самих себе» [12. С. 287], обуславливающие их физически ущербный, экзистенциально бранный и онтологически пассивный статус в мире.

Несовершеннолетие как «природная законопослушность» человека проявляется в подчинении разумной жизни законам стихийной природы. Главным органическим пороком ветхого человека как природного существа — «недоросля, полусущества» — выступает смертность — «просто результат или выражение несовершеннолетия, несамостоятельной, несамобытной жизни, неспособности к взаимному восстановлению или поддержанию жизни» [10. С. 106]. Федоров пришел к категорическому заключению: пока личность смертна, она «не может быть признана действительностью» [13. С. 433]. Непрерывно актуальная и физически явленная действительность человеческого существа требует бессмертия, гарантированно обеспечиваемого только органотехникой телесного воскрешения — анастатикой и патрофикацией (2). В нравственном измерении смертельная язва «сынов человеческих», поражая родовую ветвь, превращается в «смертный грех» в отношении отцов-предков: рождаясь несовершеннолетним, человек «во все время вскормления, воспитания <...> поглощает силы родительские» [13. С. 35], что в конечном счете обуславливает «прогрессивное» вытеснение родителей из жизни, их смерть. Нравственно-естественной реакцией совершеннолетнего общества на «ужас поглощения» [13. С. 94] должно быть практическое решение задачи «всеобщего воскрешения». Эта родственно-логическая аксиоматика супраморализма задает активно-исторический вектор выхода человечества из «детского состояния» [10. С. 104] антропологического несовершеннолетия. Неосознание, непринятие и неисполнение долга возвращения жизни утратившим ее отцам означает нравственную незрелость как жизненный грех сынов, игнорирующих смерть.

Умственное несовершеннолетие [11. С. 427] — разделение теоретического и практического разумов, «распадение мысли и дела», сословная дифференциация общества «на ученых и неученых» как основная причина зависимости человечества от природы [10. С. 37]. Умственное несовершеннолетие проявляется, прежде всего, в философии и науке. С позиций супраморализма Федоров утверждал: «Вся философия, как мысль без дела, есть лишь схоластика, отживающая наука, еще не вышедшая из школы» и потому несовершеннолетняя [13. С. 437]. Так, термины «субъективный» и «объективный», используемые в абстрактно-теоретических построениях, отвлечен-

ные от действительно-практического приложения в общем деле, свидетельствуют о несовершеннолетии человеческого рода, его научно-философской мысли и мировоззрения. В нравственной постановке «вопрос об отношении субъективного к объективному <...> не может быть разрешен сам по себе, а требует внесения проективного, которое возглавливает всех, объединяет всех в деле познания слепой, умерщвляющей силы» [13. С. 389–390]. Выход из теории к совершеннолетию, т.е. обращение к общему делу — нравственно-естественному проекту возвращения сынами-потомками жизни отцам-предкам — возможен опосредованием (знанием, волей и трудом) субъективного и объективного логическим звеном проективного как дополнительной категорией активно-творческого мироотношения. В такой трансформативной функции «проект — это мост, поставленный между субъектом и объектом» [12. С. 285], соединяющий идеальное с действительным и позволяющий осуществлять переход от мыслимого к сущему; одновременно это проект супраморалистического — через осознанное действие — расширения логики Гегеля, обретающей таким образом качества практически эффективного знания — наставнического и руководящего.

В супраморалистической оценке наука как чистое знание без дела есть одновременно причина и следствие несовершеннолетия. Научное несовершеннолетие заключается в том, что наука ограничивает знание «опытами кабинетными, игрушечными» [11. С. 63], проводимыми в исследовательских и производственных лабораториях, а само познание как предмет научной деятельности ограничено интеллигентской кастой ученых. Такая наука — «знание для знания» [10. С. 105], как школьные уроки для изучения действительности через искусственные эксперименты и в отвлеченных представлениях. Несовершеннолетняя наука дисциплинарно фрагментирована и методологически разрознена, не дееспособна как естествоиспытательная сила — синтетический научно-практический инструмент «взаимознания всеми людьми друг друга и познания всеми в совокупности мира» [12. С. 287], поэтому неспособна решить насущные продовольственный и санитарный вопросы (3), а значит ограничить природную власть смерти. Декларируемое наукой господство над природой как «врагом общем всех народов и всех людей», злой — слепой и смертоносной — силой для Федорова «лишь пустая метафора или пустословие» [12. С. 286–287], поэтому знание школьное, бесцельное и бездельное, в худшем его применении потребительски служебное, индустриально- и милитарно-прикладное.

В научной проекции общего дела вся природа должна стать предметом знания-в-деле — гносеоургии (4) как сверхнауки, синтезирующей в единой астрономии все научные дисциплины, и человечеству предстоит субъективироваться в качестве единого исследователя и деятеля, обретшего новое социологическое качество и целесообразно распоряжающегося естествоиспытательной силой. Между тем, отмечал Федоров, социология как науч-

ная отрасль несовершеннолетнего познания тоже закономерно схоластична и академична, поскольку, игнорируя естественный вопрос — о согласии в общем деле возвращения жизни и психократическом (5) многоединстве всех воскрешенных по типу бессмертной небесной Троицы, — занята исключительно социальным вопросом — об устройстве общества по типу смертного земного организма. Основываясь на психологии, отвлеченной от нравственности и «вынимающей душу» из человека, социология становится наукой «о бездушном обществе» [10. С. 136]. С идеальной высоты федоровских проекций цели общественных наук, рассматривающих социум в механистических категориях и отводящих морали лишь регулятивную функцию, «не могут иметь духовного смысла, так как в них учение о человеке неполноценно и неподлинно» [4. С. 390]. Истинным содержанием практической социологии, оперирующей законами супраморалистической психологии, должна стать родственность, психократически претворенная в многоликом единстве. Социология в нравственно-родственной осмысленности — это геоисторическая социологика общего дела, восстанавливающая (путем воскрешения отцов всех минувших поколений) всеземное человечество в его родословной полноте и интегрально собирающая планетарный социум в отечество (6), знаменующее «положительное истинное совершеннолетие» [10. С. 136].

Художественно-эстетическое несовершеннолетие — «недозревшее и отживающее» [12. С. 299] искусство, творчески сосредоточенное на подражании природе и подделке, занятое раскрашиванием потребительских «тряпок». Такое искусство «есть лишь игра», творение «мертвых подобиий» [12. С. 296, 333]. В современном обобщении «бесконечно игрового» характера цивилизации «человек играющий утверждается чуть ли не в качестве самого изысканно-эстетического типа» [7. С. 217], культивирующего и торжествующего свое несовершеннолетие. В логике эстетического супраморализма, требующего патрофикации и нравственного обоснования истинной жизни, даже деторождение квалифицируется как творение подобиий: «Рожденное, получившее жизнь, т.е. себя не произведшее, не может считаться самостоятельным, трудовым, совершеннолетним, пока не возвратит жизни давшим, или, вернее, отдавшим ее» [12. С. 296]. В философии общего дела художественно-эстетическое выражение несовершеннолетия составляет предмет «вопроса об искусстве»: чем оно было и есть и каким должно быть, в чем должно состоять дело искусства [12. С. 306].

Религиозное несовершеннолетие [10. С. 371] — мировое многобожие и множественность разрозненных, нравственно неестественных и потому «мертвых» религий вместо одной единой и живой религии; меж- и внутриконфессиональная рознь религиозных верований. «Религии несовершеннолетия» — нездоровые (язычески младенческие) и падшие (старые, впавшие в младенчество); и те, и другие, вместе с деизмом и гуманизмом, «не знающими живого Бога и знающими отвлеченного человека», обманывают его мни-

мым — метафорическим или «игрушечным» — владением законами природы, подчинением естественных процессов [12. С. 290, 291, 299]. Разделение церквей, религиозная рознь, по мнению Федорова, «есть величайший, закоренелый порок», выражающий несовершеннолетие «не в догмате лишь, но и в самой жизни» [10. С. 371].

Религиозное несовершеннолетие выражается также в «смешивании слепой чувственной природы с Богом», в признании дерзостью и противлением богу человеческого управления стихийными природными процессами, умиротворение которых расценивается как «посягательство на божественную власть, на желание отнять у Бога орудие наказания» [10. С. 371]. Такая религиозная убежденность означает абсолютизацию власти Бога, признание его сущностью господства [10. С. 70], а не сотрудничества в мире и сотворчества мира. Чтобы выйти из состояния несовершеннолетия и достигнуть религиозного совершенства «недостаточно только мыслить о Боге <...> нужно быть орудием воли Божией, а таким орудием можно быть только в совокупности, вместе со всеми» [10. С. 371].

Федоров обнаруживает проявления несовершеннолетия в различных христианских деноминациях. Западное христианство — католицизм и протестантство — он относит к несовершеннолетним формам христианства [13. С. 412] как религии школьной, для начальных классов, не допускающей перевода в высшие классы [10. С. 134]. Православие же представлялось Федорову старшим классом, в котором раскрывается полнота «единого истинного научения» [10. С. 134]. Анализируя различия христианских систем верования в контексте супраморализма, С.Г. Семенова приходит к выводу: «На деле существует как бы два христианства: одно — личного спасения с преобладающим психическим мотивом страха перед погибелью <...> Можно назвать его христианством несовершеннолетнего этапа развития рода людского. Другое — христианство всеобщего преображения и обожения; оно предполагает нерасторжимую объективную связь всех сознательных и чувствующих существ между собой, их солидарность и взаимную ответственность» [8. С. 253].

Нравственное несовершеннолетие как выражение нравственного упадка и невменяемости — это низшая нравственность, или инфраморализм, проявляющийся в розни и всемирной вражде, бесцельности жизни и социального прогресса, подчиненного служению смерти и онтологизирующего логику истории как факта [12. С. 293, 295, 319–320]. Несовершеннолетняя нравственность — чувственный стереотип «хамитской» цивилизации, историровавшей библейский сюжет непочтения Хамом своего отца Ноя как склонности морально незрелых детей к насмешкам над родителями. В супраморализме нравственно недостаточными, несовершеннолетними считаются все отношения, которые искажают предельную формулу: «нравственность должна быть признанием родства» [10. С. 413]. При этом Федоров связывает нравственные

корни несовершеннолетия с природными, нравственное самосознание общества — с проявлениями естественных сил: «Чтобы судить о глубине нашего нравственного упадка, достаточно сказать, что уже не различают естественного для слепой силы от того, что естественно для человека; это и значит, что остаются в детском состоянии, но лишенном детской чистоты» [10. С. 106]. В расширенном смысловом формате нравственное несовершеннолетие выражается в сопряженных характеристиках несовершеннолетнего состояния общества: нравственный самообман «блудного сына» вместо родственного чувства-знания «сына человеческого»; сиротство и потому небратственность сынов человеческих, что порождает чуждость, соперничество и вражду; подмена всеобщего родства юридическими отношениями и социальное устройство в виде гражданского общества в забвении отечества; эгоистическая аксиологизация культурно-цивилизационного комфорта, «рабство своим прихотям» [12. С. 141], влекущее отказ от долга регуляции и воскрешения отцов-предков; себялюбие и чадолюбие в ущерб отцелюбию и самопознание, гедонистическое стремление к обманчивой полноте личной жизни вместо познания отцов и гносеоургического исследования всеобщности смерти для активно-религиозного обретения в апокатастасисе истинной — восстановленной, бессмертной и совершенной — жизни для всех.

Социальное несовершеннолетие — «общество, как неродство» [10. С. 105], в котором не осознавшие действительно общего дела сыны человеческие и братья по общим отцам через юридическое очуждение становятся гражданами-недорослями, склонными к «забавам и шалостям» и потому требующими надзора и опеки со стороны власти и государства. Именно отсутствие общего дела, способного объединить всех без каких-либо различий, «производит общество несовершеннолетних» [12. С. 306–307]. Социальное несовершеннолетие выражается в структурной разъятости общества, его разделении на антагонистичные группы: бедных и богатых, городских и сельских, ученых и неученых, верующих и неверующих, а в экзистенциальном пределе — живых и мертвых. В социальном устройстве «недоразвившееся человечество», оставляя без управления смертоносные природные процессы, следуя законам бессознательной эволюции и испытывая зависимость от внешней среды, как биосферный феномен «складывается в слепой организм» [11. С. 394]. Такое общество «субординационно, кастово разделяет людей на немногих мыслящих и управляющих и на большинство управляемых, производящих “механическую работу”» [1. С. 72].

В «материальной» части несовершеннолетие общества наиболее отчетливо и драматично обнаруживается благодаря вопросу «о бедности и богатстве», постановка которого, по мнению Федорова, возможна только в состоянии несовершеннолетия: вопрос о материальном обладании искусственными ценностями порождает иллюзию владения самой жизнью как естественной ценностью, а бедность воспринимается как скудость и неполнота реальной жизни.

Иго потребностей, «страсть к мануфактурным игрушкам» [10. С. 402–403] порождает у несовершеннолетнего существа стремление к материальному достижительству, отвлекающему его от истинного смысла жизни и расхищающему его жизнотворческий потенциал; это власть богатства, приговаривающая общество к несовершеннолетию. В супраморалистическом понимании социальный вопрос о бедности и богатстве интерпретируется как вопрос об искусственном пауперизме и мнимом богатстве, поскольку его решение, даже если бы таковое было достижимо, не преодолевает естественный пауперизм — смертность эмпирического человека как брэнного существа — и не порождает истинное богатство — жизнь восстановленную и бессмертную для полноорганного человека (7) как сверхэмпирического существа. Таким образом, нацеленность на решение вопроса «о бедности и богатстве» не только не приводит к решению «общего для богатых и бедных» [10. С. 391] естественного вопроса «о смерти и жизни», но и историософски дезориентирует общество в самой нравственной постановке и научно-практическом рассмотрении этого вопроса.

Вопрос о бедности и богатстве как следствие несовершеннолетия приводит «к розни, вносящий рознь и внутрь самого человека, и в его отношения к другим людям» [12. С. 336], тем самым обрекая общество на вечное несовершеннолетие, т.е. выступая уже как причина социального несовершеннолетия, означающего недееспособность в деле воскрешения отцов-предков. Так, потребительство живущих сынов как издержка несовершеннолетия общества оборачивается нравственным преступлением против мертвых отцов. Азарт приобретения и потребления, увлечение «вещицами» порождает «бешеную игру» [10. С. 449], хищничество, оборачивающееся или социально-психологической патологией (аксиологически деформированное общественное сознание и ментально нездоровое общество), или преступностью, социальными конфликтами, и потому требует властных средств юридического обуздания и наказания. Оценивая цивилизационное состояние по христианскому критерию социального совершеннолетия, Федоров пришел к выводу: «нельзя назвать совершеннолетним общество, которое не может обойтись без надзора, принуждения и наказания» [10. С. 104].

Политическое несовершеннолетие — все юридические учреждения и отношения [13. С. 20], которые с необходимостью «возбуждают вражду среди людей» [13. С. 108] и увековечивают состояние несовершеннолетия. В правовом обществе «ссоры и тяжбы являются необходимостью», порождая «другую необходимость — тюрем, наказаний» [10. С. 273], т.е. государственного механизма кар для несовершеннолетних людей. В ценностных координатах супраморализма «отношения по закону», правовое регулирование, вся область «юридической социологии» служит гранью «между областью нравственного и областью преступного, безнравственного» [13. С. 108]. Право как социальный институт в характеристике

Федорова есть следствие «недостатка любви», и потому юридический закон — наказание несовершеннолетним блудным сынам «за непонимание и отсутствие любви»; «тепло и холод — далеко не так противоположны, как любовь и право» [13. С. 173].

В политическом устройстве несовершеннолетнего общества неприкосновенность личности оборачивается правилом «*Homo homini lupus*»; свобода совести означает слепое обожание и освящение всего стихийного в природе, обществе и мысли; свобода слова для «недорослей» — это свобода публичной брани, а свобода политической деятельности — безответственность и простор «для борьбы и разрушения» [13. С. 148]. С позиций общего дела политическое право гражданина — это «право на сомнение, на отрицание без обязанности участия во всеобщем исследовании, познании, т.е. свобода на ложь», которая ведет «к праву, или свободе на рознь, т.е. на вечное несовершеннолетие, на вечные между собою дразги, что и закрепляется конституциями и республиками» [13. С. 108]. Для Федорова «быть полноправным гражданином» значит иметь право избирать конституционных правителей-дядек — президентов республик и конституционных монархов — и «находиться под надзором им самим избранных» [12. С. 311], т.е. конституционная власть «есть замена отцов выборными, наемниками» [11. С. 18]. При этом конституционализм не затрагивает природные глубины человека, не генерирует импульс его эволюционного восхождения, не намывает «культурный слой» для высшей нравственной организованности общества, требующей безусловного восстановления отечества во всей его генеалогической полноте; конституционализм «ограничивается лишь идеалами юридического и экономического свойства» [11. С. 21]. Юридический союз, в котором право регулирует рознь и вражду, исключает союз братский, в котором samость и чуждость пресуществляются всеобщим родством в любви; государство, политически окаймляющее и внешне объединяющее граждан как блудных сынов несовершеннолетним обществом, подменяет и разрушает отечество, воссоздаваемое сынами-братьями по отчеству в совершеннолетнем внутреннем единстве исполнения долга патрофикации. Поэтому «конституция не есть лишь выражение несовершеннолетия <...> а глубокое народоразвращающее средство» [13. С. 426].

Федоров считал, что политически исцелить от конституционализма, узаконивающего и нравственно канонизирующего человеческое несовершеннолетие, может самодержавие как «правило, закон, путь к совершеннолетию» [11. С. 21]. В проективном раскрытии его нравственно-исторической цели самодержавие вместо государственно-правовых идеалов конституционализма способно предложить и осуществить проект братского союза для всеотеческого дела и всеобщего родства, превращения тягостной обязательной повинности и казенного служения государству в сознательное исполнение долга в отечестве, обращения

граждан — блудных сынов умерших отцов и небратственных сирот — в сынов воскресенных отцов и братьев.

Экономическое несовершеннолетие — осуществление хозяйственной деятельности человечества на основе технологически совершенствующейся, т.е. прогрессивно ужесточающейся, эксплуатации материально-энергетического потенциала мира, ширящейся утилизации его физической ткани. Осмысление масштабов и последствий расточительной экономики вынуждает к постановке вопроса «ради чего, на какую потребу истощаются многовековые запасы земли?», на который Федоров дает неутешительный ответ, обнаруживающий нравственно-иррациональный характер планетарного хозяйствования: «оказывается, что все это нужно для производства игрушек и безделушек, для забавы и игры» [10. С. 392].

Экономическая парадигма потребительского расхищения природных ресурсов, агрессивной «материократии», по-сути, и самого несовершеннолетнего человека лишает персонально-личностной и общественно-исторической субъектности, превращая в безвольный операнд абстрактного прогресса — в расходный статистический материал на экономическом конвейере истории как факта. В «экономике по требованию потребления» нравственно-родовая связь перерождается в функционально-производственные отношения, отцы и сыны становятся производителями и потребителями. В проективном целеполагании хозяйственный строй единого человечества должен быть императивно подчинен задаче патрофикации, а во вселенско-онтологическом масштабе — восстановления падшего мира в совершенный порядок — состояние «благолепия нетления и неразрушимости». Это уже «экономика по долгу патрофикации», или экономика всеобщего спасения. В истинно хозяйственном отношении к миру совершеннолетнее человечество проявляется автономно богодействующим субъектом космологической истории как акта.

Индустриальное несовершеннолетие — производство «тряпок, безделушек и игрушек» [11. С. 323], промышленных «произведений», культурно-технологический и социально-психологический эффект которых заключается в подчинении человека, оставлении его «в вечном детстве, несовершеннолетия, расслабляющих его тело, уродующих его душу» [10. С. 445] и отвлекающих его ум. В масштабе космического времени это вопрос об эсхатологическом горизонте биосферно вросшего и потому геологически бренного человечества и о его технологическом совершеннолетии: каким арсеналом технологий и средств должно обладать планетарное общество для гарантированного обеспечения своей жизнедеятельности в перспективе астрофизического коллапса Солнечной системы. Несовершеннолетний индустриализм как инструментальный несовершеннолетней экономики подчинен решению «ребяческого» вопроса о мнимой бедности и богатстве, продуцированию искусственных предметов для забавы и удовольствия, обретающих значимость индикаторов социального статуса. В цивилизационном итоге это по-

требительски прогрессирующий смертоносный индустриализм, финансово-экономически и научно-технологически требующий для своего обеспечения воинственного милитаризма. Причем научно-технический потенциал общества, отвлеченный от решения вопроса о смерти и жизни, поощряет и «подстегивает» несовершеннолетие, обосновывая его как цивилизационную норму.

Уже осознание и признание «игрушечного характера» промышленно-сти может означать выход «кающегося индустриализма» из несовершеннолетия [12. С. 515]. На переходной ступени «от детства к совершеннолетию» опаматовавшийся индустриализм должен переориентироваться на разработку и создание орудий двоякого употребления: «как для защиты от себе подобных, так и для действия на слепые силы природы» [12. С. 515]. А проективно определяемый как совершеннолетний — священно-научный — индустриализм полностью сосредоточен на гарантированном решении продовольственного и санитарного вопросов, на практике естественного тканетворения и органосозидания как технологической основы воскрешения. В проектике общего дела это умиротворительный и жизнелюбивый индустриализм как научно-производственное предприятие всеобщего спасения. Нравственно совершеннолетний индустриализм должен решать вопрос «о смерти голодной, холодной <...> о смерти вообще, о всех умерших» [13. С. 481], т.е. о бедности человека как природного существа — и переживших (с раскрытием нравственно-родового трагизма этого определения) своих предков, но остающихся нищими плотью сынов, и уже утративших телесную жизнь отцов.

Милитаристическое выражение несовершеннолетия: воинствующий милитаризм заключается в наращивании и использовании военного арсенала, смертоносно-разрушительной силы войск для устрашения других стран, захвата или уничтожения их ресурсов. Это практика вооруженного международного и межбратского противоборства, активного ведения войн с целью политического и экономического давления и доминирования, обладания рынками сбыта, навязывания и утверждения своих исторических цивилизационных стандартов другим государственно-политическим образованиям. В исторической логике общего дела воинственный милитаризм как выражение несовершеннолетия общества должен перейти в кающийся (осознающий свою убийственную силу), а затем обрести нравственно-деятельное совершенство священно-научного, искупительного (возвращающего утраченную жизнь) милитаризма, использующего потенциал армий и техническую мощь вооружений для военно-научного крейсерства и борьбы со стихийно действующими силами природы.

Прогресс как выражение несовершеннолетия означает «неспособность к возвращению жизни отцам как нравственной, а не чувственной зрелости», сопровождается «мнимой самостоятельностью сынов и дочерей» [10. С. 59, 136]. В статье «Пред совершеннолетием» [12. С. 306–309] Федоров определил разные формы объективации прогресса как неуправляемого исторического потока: в биологическом проявлении это «вытеснение сынами отцов»,

в психологическом — «превозношение сынов над отцами», в социологическом — «наибольшая свобода и наименьшее единство или общение», т.е. минимальная общежительность и коллективность, принимаемая как «неизбежное лишь зло» [12. С. 307]. В нравственно-социологическом аспекте прогресс «составляет полную противоположность объединению сынов для воскрешения отцов» [12. С. 307]. Федоров совмещал понятия прогресса и несовершеннолетия, содержательно отождествляя их: бесконечный прогресс — это вечное несовершеннолетие [10. С. 136; 12. С. 307], причем прогрессирующее, поэтому вопрос о несовершеннолетии и есть вопрос о прогрессе. Прогрессизм как парадигма «исключает учение о воскрешении» [10. С. 37], а ложное понимание целей прогресса как спонтанного развития ведет к супраморалистически неадекватному представлению о «позитивной» социальной организованности — устройстве общества «по типу организма», отрицающем «возможность совершеннолетнего общества» [10. С. 37], образуемого «по типу Троицы».

Историческое несовершеннолетие — это всемирно-мещанская история «как факт, бесцельное существование, рознь, взаимное истребление» [12. С. 319], замена священного культа предков промышленно-торгово-потребительской цивилизацией. В нравственной периодизации истории Федоров определяет «эпоху несовершеннолетия рода человеческого, эпоху блудных сынов» [12. С. 116] как временный, неизбежный этап цивилизационного взросления, обретения человечеством космологически высокого исторического горизонта, и потому «осуждать нынешних людей за забавы — это то же самое, что у детей отнимать игрушки» [13. С. 486]. Рассматривая историю как процесс эвристического обучения и «воспитания рода человеческого», Федоров был убежден, что она должна завершиться таким образом, что ее «конец есть лишь выход из школы или переход от знания к делу, от несовершеннолетия к совершеннолетию» [11. С. 208]. Выход из состояния социально-исторического отчаяния начинается с признания всего прошлого и настоящего несовершеннолетним, т.е. бессознательной и невольной историей как фактом. Такое осознание в активнo-христианской логике общего дела открывает деятельную перспективу амнистии, которая должна сопровождаться исполнением человечеством, нравственно выросшим из исторического возраста шаловливости и баловства, заповеди управления миром. Только с этой поры и «начнется история единого дела сознательного» [11. С. 208] — история как акт.

Мировоззренческое несовершеннолетие: цивилизационный анализ разнообразных проявлений несовершеннолетия в их системно-исторической экстраполяции привел Федорова к выводу-предупреждению, что если планетарное человечество не объединится «против истребительной силы» [13. С. 20] природы, то эта сила будет истреблять несовершеннолетнее человечество стихийными бедствиями и техногенными катастрофами, голодом, эпидемическими болезнями и смертью, социально-политическими раздорами и революциями, войнами внутренними и внешними, политическими обманами и торговой вра-

ждой — чередой трагических событий бездеятельной истории, которые сопутствуют состоянию несовершеннолетия как казни за грехи неродственности. Это воронка катастрофической эсхатологии как закономерного проявления мировоззренческого несовершеннолетия планетарного человечества.

Иными словами, запредельный нравственный обертон учения Федорова вынуждает планетарно и космически ответственную мысль, растерянню барахтающуюся в состоянии мировоззренческой «невесомости», обратить внимание на сгущающуюся тьму исторической сингулярности как симптом социального несовершеннолетия, и уже в этой критико-диагностической функции проект общего дела способен стать «реальным вкладом в дело перехода человечества из несовершеннолетнего состояния к зрелости» [6. С. 14]. В проективной логике «вопрос о несовершеннолетии и совершеннолетии» в его практической постановке — как нравственной задачи и исторического дела — должен стать повесткой международной «Конференции Мира, которая выработает конкретные меры для перехода глобального человечества к совершеннолетию [11. С. 331].

Информация о финансировании

Исследование выполнено в рамках государственного задания МГУ имени М.В. Ломоносова.

Примечания

- (1) Супраморализм (буквально — сверхнравственность) — завершающее, терминологически онаученное Федоровым название его этико-философской системы. Супраморализм как «самая высшая и безусловно всеобщая нравственность» [10. С. 388] означает деятельный выход человечества за границы эмпирической нравственности в область родственно-непреложного долженствования и планетарно-космической ответственности.
- (2) Анастатика (др.-греч. ἀν — еще (раз), снова, опять + ζωοθετέω — делать живым, оживать) — психофизическое искусство возрождения, воскрешения; патрофикация (греч. πατήρ — отец) — особый термин философии общего дела, акцентирующий долг возвращения к новой жизни — пакибытию — всех отшедших отцов-предков всех минувших поколений во всей толще исторического времени.
- (3) Продовольственный вопрос — актуализация задачи окончательного предотвращения угрозы голода, преодоления зависимости в питании от природных процессов; содержание санитарного вопроса — активное здраво- и жизнеохранение человечества, обеспечение безусловной жизнеспособности человеческого организма.
- (4) Гносеоургия (др.-греч. γνῶσις — познание, знание + ἔργον — действие, работа) в проективном задании — синтез знания в деле как знающего дела, т.е. превращение гносеологии в активно-научный, методологически-руководящий инструмент общего дела.
- (5) Психократия (др.-греч. ψυχή — душа + κράτος — власть) — особая форма социального устройства, означающая человеческое многоединство по образу божественной соборно-ипостасийной Троицы.
- (6) Отечество в супраморалистическом смысле — планетарное всеисторическое общество, единокровно объединяющее всех воскрешенно-бессмертных «сынов человеческих» всех времен в творческом союзе действительного умиротворения и преображения мира.
- (7) Полноорганный человек — антропологическая проекция философии общего дела, означающая морфологически «флюидную» телесность человека; полноорганность — адаптивное свойство органической пластичности и функциональной модификации организма в различных средах существования.

Библиографический список

1. *Гачева А.Г.* Блудный сын и Сын Человеческий: версия Н.Ф. Федорова // Московский Сократ: Николай Федорович Федоров. М., 2018.
2. *Катасонов В.Н.* Философско-религиозные проблемы науки Нового Времени. М., 2005.
3. Московский Сократ: Николай Федорович Федоров / Сост. А.Г. Гачева, М.М. Панфилов. М., 2018.
4. *Попов Б.А.* Социально-этическая направленность «Философии общего дела» // «Служитель духа вечной памяти»: Николай Федорович Федоров: в 2 ч. Ч. 1. М., 2010.
5. Русский космизм: Н.Ф. Федоров, К.Э. Циолковский, В.И. Вернадский, А.Л. Чижевский / Под ред. А.Г. Гачевой, Б.И. Пружинина, Т.Г. Щедриной. М., 2022.
6. *Савицкий А.К.* Николай Федоров как образец человека, философа, христианина // Московский Сократ: Николай Федорович Федоров. М., 2018.
7. *Семенова С.Г.* Планетарный проект русского космизма и глобальные вызовы современного мира / Русский космизм: Н.Ф. Федоров, К.Э. Циолковский, В.И. Вернадский, А.Л. Чижевский. М., 2022.
8. *Семенова С.Г.* Федоровскими мыслительными тропами // «Служитель духа вечной памяти»: Николай Федорович Федоров: в 2 ч. Ч. 2. М., 2010.
9. «Служитель духа вечной памяти»: Николай Федорович Федоров: в 2 ч. / Сост. А.Г. Гачева, М.М. Панфилов. М., 2010.
10. *Федоров Н.Ф.* Собр. соч.: в 4 т. Т. I. М., 1995.
11. *Федоров Н.Ф.* Собр. соч.: в 4 т. Т. II. М., 1995.
12. *Федоров Н.Ф.* Собр. соч.: в 4 т. Т. III. М., 1997.
13. *Федоров Н.Ф.* Собр. соч.: в 4 т. Т. IV. М., 1999.
14. Философ общего дела: материалы Международных научных чтений памяти Н.Ф. Федорова / Ред.-сост. А.Г. Гачева. М., 2022.

DOI: 10.22363/2313-2272-2025-25-2-286-302

EDN: BCLKPH

On social full age in the philosophy of common cause. “Underage society” in the supramoralistic introspection*

A.A. Onosov

Lomonosov Moscow State University,
Leninskie Gory, 1, Moscow, 119991, Russia

RUDN University,
Miklukho-Maklaya St., 6, Moscow, 117198, Russia

(e-mail: o.ksandr@yandex.ru)

Abstract. The analytical vector of the article is defined by the idea of underage as a state of historically immature society in the supramoralist framework of the philosophy of common cause. In the teachings of N.F. Fedorov (1829–1903), the idea of underage and full age determines the cause-and-effect contour of all social-historical phenomena. Therefore, the supramoralist analysis of the identified roots and primary conditions of underage led

*© A.A. Onosov, 2025

The article was submitted on 15.01.2025. The article was accepted on 15.04.2025.

to some critical assessments of civilizational existence in its global-problematic expression. In the analytical context, various manifestations of underage are discovered, and relevant characteristics of the imperfect state of society are revealed. As an answer to the question of immaturity, supramoralism proposes to replace the artificial social question of “poverty and wealth” with the natural question of “death and life,” implying by death the fundamental poverty of man and affirming immortal life as true wealth. The article reconstructs the projective understanding of sociology as an active-historical function of the highest social organization. Projective sociology is to serve not as a statistical record of “history as a fact” but as an instrument for studying humanity and ensuring its polyunity in the image of the divine Trinity. In the scientific-applied perspective, this is the guiding knowledge of the projective synthesis of a due full-age society. The civilizational analysis of various manifestations of immaturity in their systemic-historical extrapolation allowed Fedorov to make a warning conclusion about eschatological risks of global humanity according to the scenario of the Apocalypse. At the same time, he considered this prophecy about the catastrophic collapse of social history conditional, leaving the possibility of a conscious ontological transformation of man, society and the world, provided the imperative overcoming of the ideological immaturity of planetary humanity. For these purposes, the world-building potential of the philosophy of common cause deserves a systemic scientific-philosophical analysis which is axiologically significant under the current historical singularity of the global civilization.

Key words: N.F. Fedorov; philosophy of common cause; supramoralism; underage; full age; underage society; full age society; common cause; regulation of nature

For citation: Onosov A.A. On social full age in the philosophy of common cause. “Underage society” in the supramoralistic introspection. *RUDN Journal of Sociology*. 2025; 25 (2): 286–302. (In Russ.). (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2025-25-2-286-302>

Funding

The study was conducted under the state assignment of Lomonosov Moscow State University.

References

1. Gacheva A.G. Bludny syn i Syn Chelovechesky: versiya N.F. Fedorova [Prodigal son and the Son of Man: N.F. Fedorov’s version]. *Moskovsky Sokrat: Nikolay Fedorovich Fedorov*. Moscow; 2018. (In Russ.).
2. Katasonov V.N. *Filosofsko-religioznye problemy nauki Novogo Vremeni* [Philosophical-Religious Issues of the New Time Science]. Moscow; 2005. (In Russ.).
3. *Moskovsky Sokrat: Nikolay Fedorovich Fedorov* [Moscow Socrates: Nikolai Fedorovich Fedorov]. Comp. by A.G. Gacheva. Moscow; 2018. (In Russ.).
4. Popov B.A. Sotsialno-eticheskaya napravlennost’ “Filosofii obshchego dela” [Social-ethical orientation of the “Philosophy of common cause”]. “*Sluzhitel dukha vечноy pamyati*”: *Nikolay Fedorovich Fedorov. Ch. 1*. Moscow; 2010. (In Russ.).
5. *Russky kosmizm: N.F. Fedorov, K.E. Tsiolkovski, V.I. Vernadsky, A.L. Chizhevsky* [Russian Cosmism: N.F. Fedorov, K.E. Tsiolkovsky, V.I. Vernadsky, A.L. Chizhevsky]. Ed. by A.G. Gacheva, B.I. Pruzhinin, T.G. Shchedrina. Moscow; 2022. (In Russ.).
6. Savitsky A.K. Nikolay Fedorov kak obrazets cheloveka, filosofa, khristianina [Nikolai Fedorov as an example of man, philosopher, Christian]. *Moskovsky Sokrat: Nikolay Fedorovich Fedorov*. Moscow; 2018. (In Russ.).
7. Semenova S.G. Planetarny proekt russkogo kosmizma i globalnye vyzovy sovremennogo mira [Planetary project of Russian cosmism and global challenges of the contemporary world]. *Russky kosmizm: N.F. Fedorov, K.E. Tsiolkovsky, V.I. Vernadsky, A.L. Chizhevsky*. Moscow; 2022. (In Russ.).
8. Semenova S.G. Fedorovskimi myslitelnymi tropami [Fedorov’s thought paths]. “*Sluzhitel dukha vечноy pamyati*”: *Nikolay Fedorovich Fedorov. Ch. 2*. Moscow; 2010. (In Russ.).

9. “*Sluzhitel dukha vechnoy pamyati*”: Nikolay Fedorovich Fedorov [“Servant of the Spirit of Eternal Memory”: Nikolai Fedorovich Fyodorov: in 2 vols.]. Ed. by A.G. Gacheva, M.M. Panfilov. Moscow; 2010. (In Russ.).
10. Fedorov N.F. *Sobranie sochineniy* [Collected Works: in 4 vols.]. Vol. I. Moscow; 1995. (In Russ.).
11. Fedorov N.F. *Sobranie sochineniy* [Collected Works: in 4 vols.]. Vol. II. Moscow; 1995. (In Russ.).
12. Fedorov N.F. *Sobranie sochineniy* [Collected Works: in 4 vols.]. Vol. III. Moscow; 1997. (In Russ.).
13. Fedorov N.F. *Sobranie sochineniy* [Collected Works: in 4 vols.]. Vol. IV. Moscow; 1999. (In Russ.).
14. *Filosof obshchego dela* [Philosopher of Common Cause]. Ed. by A.G. Gacheva. Moscow; 2022. (In Russ.).